

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Варяжский вопрос в свете концепции общественного договора

М. И. Вторушин

Для цитирования: *Вторушин М. И.* Варяжский вопрос в свете концепции общественного договора // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68. Вып. 1. С. 159–175. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.109>

Материал статьи посвящен малоизученной проблеме влияния теории общественного договора просветителей Европы XVII–XVIII вв. на дискуссию российских ученых-историков XVIII столетия по варяго-русскому вопросу, или норманнской теории, о предпосылках и базе создания государственности восточных славян в начальный период их истории. В статье проводится анализ социально-политических и экономических причин принятия русским дворянством в качестве идейного императива в его отношениях с носителями верховной власти страны учения о договорной основе создания государства (у истоков учения стояли Г. Гроций, Т. Гоббс, Б. Спиноза, Дж. Локк и Ш. Монтескье). Изучаются аспекты воздействия теории общественного договора на внутреннюю политику царизма второй половины XVIII столетия в виде системы просвещенного абсолютизма, выступавшей балансом интересов высших сословий Российской империи. На основе анализа взглядов на «варяжскую проблему» Г. З. Байера, Г. Ф. Миллера и М. В. Ломоносова выявляется влияние договорной концепции создания государства на изучение генезиса российской государственности, отменявшей теологическую доктрину создания верховной власти в стране. Немецкие историки Г. З. Байер и Г. Ф. Миллер, опираясь на выводы европейской науки об истоках создания государства у ряда народов континента как процесса внешнего завоевания или заключения договора на управление, используя эту начальную летопись о призвании варяга Рюрика, выявили аналогичность данного процесса на Руси. Иное мнение было у М. В. Ломоносова, считавшего государственность славян и заключение договора на управление продуктом их внутреннего развития. Он признал договорную теорию власти европей-

Михаил Иванович Вторушин — канд. ист. наук, ст. преп., Омский государственный педагогический университет, Российская Федерация, 644099, Омск, наб. Тухачевского, 14; vtorushin-m2013@yandex.ru

Mikhail I. Vtorushin — PhD (History), Senior Lecturer, Omsk State Pedagogical University, 14, nab. Tukhachevskogo, Omsk, 644099, Russian Federation; vtorushin-m2013@yandex.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

ских просветителей, но с учетом русской специфики. В итоге изучения проблемы изложены варианты трактовки летописной новеллы о призвании варягов как договорной основы государства восточных славян Киевская Русь.

Ключевые слова: норманнская теория, норманизм, антинорманизм, варяго-русский вопрос, эпоха Просвещения, теория общественного договора.

The Varangian Issue through the Prism of the Social Contract Concept

M. I. Vtorushin

For citation: Vtorushin M. I. The Varangian Issue through the Prism of the Social Contract Concept. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2023, vol. 68, issue 1, pp. 159–175. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.109> (In Russian)

The article is devoted to an under-researched topic of the impact of the theory of the social contract of European thinkers of the 17th–18th had on the discussion in the 18th-century Russia on the “Varangian-Russian issue”, the conditions and basis for the East Slavs’ state-building in the initial period. It gives a proper analysis of socio-political and economic factors for accepting the doctrine of G. Grotius, T. Hobbes, J. Locke, B. Spinoza, and Ch. Montesquieu by Russian nobility. The doctrine described the treaty-based relations between the State of Russia and its sovereigns. The article studies the influence of the Social Contract theory on the Tsarism’s domestic policy in the second half of the 18th century. This policy was upheld in the form of the Enlightened absolutism which served to balance the interests of the upper classes of the Russian Empire. By examining the views on the “Varangian issue” of members of the Russian Academy of Science, such as G. Bayer, G. Miller, and M. Lomonosov, the article explores the effect of the treaty-based concept of the state on the views on the genesis of the Russian statehood and the rejection of the theological doctrine of the sovereignty in the country. Historians G. Bayer and G. Miller accepted the conclusions of the European thought on the origin of state-building in some European nations as a result of an external conquest or an agreement for managing. Using the chronicle about the invitation of a Varangian Rurik, they revealed a similar process in Russia. A different viewpoint was expressed by M. Lomonosov. He considered the Slavs’ statehood and the conclusion of the management agreement to be the result of their internal development.

Keywords: the Norman theory, normanism, anti-normanism, the Varangian-Russian issue, age of Enlightenment, the social contract theory.

Особым аспектом понимания проблем формирования государственности восточных славян помимо экономических и социальных условий является дискуссионный вопрос о призвании на Русь так называемых варягов, как они обозначены в древнерусских письменных источниках, и их роль в данном историческом процессе, то есть норманнская теория создания Киевского государства на территории Восточной Европы. Как известно, спор сторонников и противников данной теории, или норманистов и антинорманистов, как по традиции их классифицируют в историографии, возник во второй четверти XVIII столетия в Академии наук России (если не считать полемичной работы 1620 г. шведского историка Петра Петреяде Ерлезунда (Пеер Перссон) «История о Великом княжестве Московском»¹, который в XVII в. по политическим причинам отказал Московской державе в статусе цар-

¹ Петрей П. История о великом княжестве Московском. М., 1867. С. 84–85.

ства). Сами термины «норманизм» и «антинорманизм» появились в XIX столетии в результате выработки противоположных мнений историков на суть варяжского вопроса. В первом случае это примат роли скандинавов в создании восточнославянского государства, или внешнего фактора в данном событии; а во втором — отрицание их реального влияния на зарождение русской государственности; то есть примат внутренних причин и предпосылок в формировании державы восточных славян или ее автохтонные корни.

На наш взгляд, несмотря на внешнее взаимоотрицание этих двух течений исторической мысли, они возникли и развились на общей научной платформе как критика теологической версии генезиса Киевской Руси и моделирование процесса естественного формирования государства восточных славян на основе теории общественного договора. В рамках этого тезиса рассмотрим то, как договорная концепция государственности, как ее толковали мыслителей Европы, отразилась на изучении в России XVIII в. варяжского вопроса, связанного с обстоятельствами зарождения державы восточных славян.

В этот период дебаты о роли варягов в истории Руси проходили под несомненным идейным влиянием европейских просветителей Т. Гоббса, Г. Гроция, Д. Локка, Ш. Монтескье и др., разрабатывавших в качестве антитезы средневековой теологической доктрине происхождения власти теорию создания государства на принципах общественного договора. Отечественные эксперты по варяжско-русской теме по ряду причин не обращали внимания на данный основополагающий момент и по-прежнему это обстоятельство в своих изысканиях опускают. Традиционно ведущее место в дискуссии о призвании варягов между норманистами и антинорманистами занимал и занимает вопрос о «цивилизованности» и «нецивилизованности» восточных славян в начальные века их истории, то есть об уровне социально-экономического, политического и культурного развития, а значит, о степени готовности к созданию государства. Этот научный казус затемняет понимание норманнской теории с позиции позитивного влияния теории общественного договора на общее развитие отечественной историографии и на восприятие специфики места России в системе народов Европы. Упоминает о воздействии договорной концепции на изучение генезиса восточнославянской государственности и на роль варягов в этом процессе, не анализируя при этом значение данного факта, историк-норманист В. А. Мошин².

Известно, что теория общественного договора как основы появления государства имела революционизирующее значение, ибо она идейно подготовила буржуазные революции в ряде стран Европы и в английских колониях Северной Америки. Так, лозунг Французской революции XVIII в. «Свобода, равенство, братство» соответствовал наиболее развитому варианту теории общественного договора Ж.-Ж. Руссо³. По его мнению, в основе деятельности людей лежат те или иные общественные соглашения. Их могут заключать лишь свободные люди, равные в правах и обязанностях (правовая демократия), чтобы создать гражданское общество и социальную гармонию для блага всех участников соглашения.

На наш взгляд, эти положения как общий теоретический фон дискуссии норманистов и антинорманистов являются ключевыми. Тем более что усилиями истори-

² Мошин В. А. Варяго-русский вопрос // SLAVIA. 1931. Т. X. С. 128–129.

³ Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права. М., 1938. С. IV.

ков-норманистов на научную, а заодно и на политическую почву России в середине XVIII в. была перенесена концепция естественного происхождения государства, подкрепленная этюдом летописного свода о призвании варягов. Для данной эпохи в истории России она была прогрессивной с позиции научного знания и революционной с точки зрения политических последствий. По ряду причин договорная концепция создания государства была востребована русским просвещенным дворянством — адептами политики вестернизации страны, ибо она идейно отражала текущий уровень хозяйственного состояния постпетровской России, в которой преодолевались феодальные социально-экономические пережитки и развивались капиталистические производственные отношения.

Важно отметить, что интеллектуальный потенциал дворянской элиты России XVIII в. как объективный индикатор состояния общественного сознания страны не только был готов⁴, но и способен принять договорную концепцию формирования государства, ибо в ином случае не могла возникнуть дискуссия о призвании варягов в качестве создателей государственности восточных славян. В свете данных обстоятельств теория общественного договора европейских вольнодумцев как отправная точка в рациональном понимании генезиса государства была не чужда мыслителям России XVIII в., определенная часть антинорманистов это отрицает⁵. Аргументом о востребованности договорной концепции европейских мыслителей служит «Книга о скудости и богатстве» И. Т. Посошкова, которая написана в русле идей общественного договора. Так, автор трактата в разделе «О правосудии» предлагал привлечь все сословия к созданию «правосудного устава» для общественного согласия о порядке судопроизводства⁶. Нужно было лишь скорректировать теоретические выводы европейских коллег о естественных причинах появления государства.

Это ставит под сомнение тезис С. М. Соловьева об отставании России во всех сферах от ведущих европейских стран в допетровское время. По аналогии с этюдом летописи о призвании Рюрика в качестве создателя государственности восточных славян он в духе норманнской теории выдвинул идею о призвании Петра I дать «просвещение» российскому обществу⁷. Однако допустить, что царь-реформатор с помощью виселицы и кнута поднял до европейского уровня образование и культуру в России, и прежде всего общественное сознание дворянства, развил его интеллектуальные способности, чтобы идеи общественного договора стали ему доступны, — значит отрицать вопреки фактам общий экономический подъем страны, связанный с формированием всероссийского рынка, в предыдущий период ее истории.

Норманнская теория, как особый вариант договорной концепции основ государства, поставила под сомнение догмат о божественном происхождении верховной власти в стране. Тот факт, что в середине XVIII в. самодержавие, ранее безоговорочно поддерживавшее церковь, провело в пользу дворянства секуляризацию

⁴ Как писал А. Л. Шлёцер о своем петербургском знакомом, «он не был ученым, но имел светлые идеи и всасывал в себя ученые сведения, как губка, — характеристическая черта почти всех русских, не совсем испорченных воспитанием» (*Шлёцер А. Л. Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлёцера*. СПб., 1875. С. 101).

⁵ *Фомин В. В.* Варяги и варяжская Русь. М., 2005. С. 8–16.

⁶ *Посошков И. Т.* Книга о скудости и богатстве. М., 1951. С. 81–82.

⁷ *Соловьев С. М.* Публичные чтения о Петре Великом. М., 1872. С. 9–17.

монастырских земель, говорит об ослаблении влияния православия на идеологические основы жизни общества России. Так, духовенство в работе Уложенной комиссии 1767 г. практически не было представлено, что радикально отличало ее от состава Земского собора 1649 г., в котором участвовали высшие иерархи церкви. Самодержавие в этот период под влиянием теории общественного договора как соглашения равных по статусу лиц о создании верховной власти на Руси уже не нуждалось в религиозном обосновании данного события.

Развитие в высших имперских кругах и среди дворянства дискуссии о призыве Юрика к ильменским словенам как об общественном договоре населения Новгорода с претендентом на власть косвенно поставило под вопрос незыблемый постулат об изначальном самодержавии верховной власти в России. Публицистический демарш А. Н. Радищева в полной мере отражал эти настроения части нобилитета страны. Подобный общественный настрой элиты общества пытался преодолеть в своеобразной трактовке норманизма Н. М. Карамзин⁸, но программы и выступления декабристов выявили тщетность этих усилий.

Договорная теория параллельно подвергала сомнению право владения землей русским дворянством, против которого были направлены народные восстания под предводительством С. Разина, Е. Пугачёва, К. Булавина, которые явились прообразами раннебуржуазной революции, по аналогии с Крестьянской войной в Германии 1525 г.⁹ Тем самым теоретические выводы просветителей Европы о принципах создания государства были призваны с позиции рационализма объяснить происходившие в России XVIII в. противоречивые политические и социально-экономические процессы, диктуемые развитием новых производственных отношений.

Объективно в договорной концепции было заинтересовано рядовое дворянство страны, так как XVIII в. прошел под знаком дворянских революций, вошедших в историю под названием «дворцовые перевороты». При этом партии дворян возводили или низвергали с трона того или иного всероссийского самодержца, нарушавшего договор. Русское дворянство в целом, будучи господствующим сословием страны, остро нуждалось в историческом оправдании насильственных действий в отношении носителей верховной власти России, ибо, по мнению его просвещенных представителей, Государство Российское было итогом договора монарха с его дворянством. В качестве прецедента использовалась противоречивая во всех отношениях история возведения на престол династии Романовых. Укрепляла мнение дворян о договорной основе русской монархии процедура избрания в 1682 г. на престол Петра I «освященным собором», «боярской думой» да «московскими чинами», а затем Екатерины I⁹. Не меньшее значение в таком понимании дворянством своего места в системе власти в России играли события коронации Анны Иоанновны, когда ей предлагали подписать «кондиции» о ее правах и обязанностях как самодержицы, а затем коронации Елизаветы Петровны с ее обещанием соблюдать «статусы дворянские». Это же касалось манифестов о восшествии на престол Петра III и Екатерины II, в которых монарх объявлял об условиях принятия им верховной власти в России как договора с ее служилым сословием.

⁸ Карамзин Н. М. О древней и новой России. М., 2002. С. 378–434.

⁹ Покровский М. Н. Русская история: в 2 т. Т. 2. СПб., 2002. С. 161–165.

Договорная концепция нашла свое отражение в проекте видного политика империи Н. И. Панина по созданию Государственного совета при императрице¹⁰. Его план возник, когда он, будучи послом в Дании, а затем в Швеции, познакомился с трудами, излагавшими принципы общественного договора, — работой Д. Локка «Два трактата об управлении», где излагалась идея соподчинения властей в системе государственного управления, и трудом Ш. Монтескье «О духе законов» о разделении судебной и исполнительной властей и независимости их друг от друга. Проект Государственного совета при монархе соответствовал идее мыслителей Европы о представительстве свободных граждан на базе социального контракта. Под давлением дворянства план Н. И. Панина был реализован в 1810 г., однако самодержавие сумело сохранить свой статус и властные полномочия.

Теория общественного договора требовалась дворянству и в контексте конкурентной борьбы на внутреннем рынке страны с набиравшими экономическую силу представителями других сословий России. Тот факт, что крепостной крестьянин графов Шереметевых Е. И. Грачёв, владелец ряда мануфактур, выкупил свою свободу за сумму, позволившую его бывшим хозяевам создать дворцовые ансамбли Кусково и Останкино, говорит о финансовом могуществе «капиталистских» крестьян страны. Только в вотчинах Шереметевых на начало XIX в. предпринимательством занимались 165 крестьян-заводчиков¹¹. Параллельно росло влияние агентов торговой буржуазии как спекулянтов и перекупщиков аграрной продукции, теснивших помещиков экономически и разорявших тем самым их хозяйства. При этом их успех определялся не численностью, а предпринимательской активностью. Дворянству было важно с опорой на прецедент из истории Древней Руси обосновать исключение из политической жизни страны формирующейся буржуазии в ее претензиях на политическое равенство и власть. Ход дискуссий депутатов Уложенной комиссии 1767 г. как нельзя лучше объясняет этот тезис, так как на Земском соборе 1649 г. подобных глубоких противоречий дворянства с нарождающейся буржуазией страны, их взаимоотрицания, еще не сложилось.

Мысль дворянства о договорных истоках государства лучше всех поняла Екатерина II, изучавшая труды мыслителей Европы о сущности и условиях происхождения государства. Ее решение подтвердить указ «О вольности дворянской», собрать Уложенную комиссию и, наконец, создать дворянское самоуправление отвечало доводам дворянства о договорной основе верховной власти в России, которая укладывается в безапелляционную формулу: «Мы твои, но земля наша», со всеми на то правами¹². Екатерина II в наказе депутатам Уложенной комиссии много рассуждала о «духе законов» и значении соблюдения всеми сословиями страны юридических норм империи для сохранения политической стабильности в России¹³. В этом плане новелла о призвании варягов в Новгород вполне вписывалась в концепцию естественного происхождения государства и самодержавия в России как

¹⁰ Чечулин Н. Д. Проект Императорского Совета в первый год царствования Екатерины II. СПб., 1894. С. 3–11.

¹¹ Столбов В. П. Вотчинные крестьяне рода Шереметевых // Историко-экономические исследования. 2013. № 3. С. 153.

¹² Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры: в 4 т. Т. 3. М., 1995. С. 271.

¹³ Наказ ея императорскаго величества Екатерины Вторыя самодержицы Всероссийския данный Комиссии о сочинении проекта новаго Уложения. СПб., 1770. С. 6–13.

итога социального контракта русских феодалов на основе дружинной организации воинов.

В итоге теологическая концепция происхождения верховной власти на Руси в середине XVIII в. под влиянием норманнской теории, созданной немецкими учеными с опорой на летописи и выводы корифеев просветительства Европы, постепенно была заменена в духе европейского Просвещения рациональной по своему содержанию договорной концепцией в русской специфике. Новое понимание истока Российской державы стало основой политики просвещенного абсолютизма Екатерины II, который стоит понимать как «екатерининский бонапартизм», то есть лавирование самодержавия между партиями дворян для стабилизации верховной власти в стране и предотвращения новых дворянских революций. Идеиная борьба в кругах просвещенного дворянства вокруг договорной концепции варяжской проблемы, его политическая активность, социальная нестабильность в России ставят под вопрос тезис П. Н. Милюкова о закреплении самодержавием всех сословий страны¹⁴.

Немецкие ученые, служившие в середине XVIII столетия в Академии наук, Г. З. Байер и Г. Ф. Миллер, изучая вопрос об истоках государственности восточных славян, так или иначе независимо от целей поиска и объема исследования не могли пройти мимо идей европейских просветителей, ломавших устаревшие стереотипы понимания условий создания государства. Тем более что на момент приглашения для работы в Россию они уже имели официальный заказ на освещение начальной истории страны от верховных властей, которым важно было доказать изначальность самодержавной формы правления. Найти прямые ссылки на отцов теории общественного договора в работах этих историков очень сложно, однако дух договорной концепции пропитывает все их изыскания.

Доктрина естественного происхождения государства на примере России основательно занимала умы немецких историков, так как на материале Англии, Франции, Дании, Польши уже имелись наработки европейских ученых, которые в своих рассуждениях о договорной основе формирования государства ссылались на конкретные примеры из прошлого этих стран. Так, запись летописи об обращении славян Ильмена к Рюрику — «земля наша велика и обильна, а наряда в ней нету, до поидите княжить и владеть нами» — полностью идентична записи хрониста Видукинда о призвании бриттами англосаксов почти с теми же словами, что и у новгородцев, но на латыни: «*terram latam et spatiosam et omnium rerum copia refertam*» (землю великую и пространную, множеством благ обильную, вручаем вашей власти)¹⁵. Новелла английской хроники, как мы полагаем, повлияла на мнение немецких историков, которые в Начальной летописи нашли аналогичную версию создания государства славян, о достоверности призыва варягов в Новгород.

На наш взгляд, именно исходя из английского прецедента, Г. З. Байер в 1735 г. в итоге изучения по летописным сводам сведений о зарождении русской государственности изложил в статье «Сочинение о варягах» так называемый варяжский вопрос¹⁶. Для этого он провел анализ и сравнение источников на предмет верификации известных ему текстов русского и европейского происхождения, которые

¹⁴ Милюков П. Н. Россия на переломе: в 2 т. Т. 1. Париж, 1927. С. 32.

¹⁵ Платонов С. Ф. Полный курс лекций по русской истории. СПб., 1999. С. 73.

¹⁶ Байер Г. З. Сочинение о варягах автора Феофила Сигефра Беэра. СПб., 1767.

касались новеллы о появлении варягов в Новгороде. При этом, взяв за основу критики запись о призвании Рюрика и его братьев из «варяжской земли», Г.З. Байер подразумевал их выход из шведских владений скандинавов как их родины. В этом была, как считали оппоненты, ошибка Г.З. Байера, ибо он поставил под сомнение более достоверные, по мнению его критиков, сведения П. Петрея и П. Одерборна о прусской, то есть южно-балтийской родине искомым варягов.

В итоге Г.З. Байер оказался в уязвимом положении, поддержав версию о скандинавских корнях варягов, выдвинутую шведскими историками О. Верелием и О. Рудбеком, которые этимологию термина вывели из его шведского перевода слова «разбойники», так как было хорошо известно, что варяги, как и норманны, или викинги, занимались разбойными нападениями на соседние народы. Думается, что трактовка Г.З. Байером понятия «варяг» как «разбойник» вызвала скандал в Академии наук, ибо царствующий дом Романовых всеми средствами стремился доказать преемственность их династии от рода Рюриковичей, которые в таком варианте трактовки термина «варяг» происходили из обычных разбойников, а вовсе не являлись благородными героями, которых небеса ниспослали править землями славян и устанавливать для них закон. Видимо, по этой причине ученый начал срочно готовиться покинуть пределы России, а его статью «Комментарии Академии наук», написанную на латыни, не перевели на русский язык, чтобы власти не обвинили Академию в крамоле. Лишь в 1767 г. был опубликован русский перевод работы Г.З. Байера, причем на титульном листе на всякий случай указывалось, что автором является *бывший* профессор восточной истории и восточных языков при императорской Академии наук.

Реабилитация научных взглядов Г.З. Байера обусловлена была, на наш взгляд, дискуссией по варяжской проблеме в придворных и научных кругах в связи с созывом Уложенной комиссии. Ее аспекты отражали заказ верховной власти доказать неизбежность и благотворность самодержавия как итога общественного договора всех сословий России. Повлиял на ситуацию с норманнской теорией и запрос дворянства на доказательство как договорной основы власти в стране, так и его особого статуса. Кроме того, на престоле находилась немецкая принцесса под именем Екатерины II, которой нужен был этюд о призвании Рюрика для оправдания узурпации ею власти в Российском государстве.

Думается, заслугой Г.З. Байера перед научным сообществом России и Европы является постановка вопроса о началах государственности восточных славян с опорой на теорию общественного договора. При всех спорных положениях его варианта норманнской теории (скандинавские имена киевских князей, тезис об отсутствии письма у славян и ряда других¹⁷) стимулировался научный поиск в сфере древнерусской истории. Позитивным моментом норманизма Г.З. Байера, как мы считаем, была его мысль, что призвание Рюрика было, по существу, равноправным соглашением заинтересованных сторон с целью стабилизации обстановки в Новгороде. На наш взгляд, он развивал на русском материале взгляды Т. Гоббса на общественный договор как на способ объединить отрицающих друг друга людей для блага и общей защиты. За его нарушение должно быть возмездие, ибо в противном случае следует социальный хаос. Косвенно идею Т. Гоббса, ссылаясь на этюд Иоаки-

¹⁷ Байер Г.З. Сочинение о варягах. С. 21–24.

мовской летописи о Водиме, или Вадиме, который вступил в спор с Рюриком как с главой Новгорода, сообщает в «Истории Российской» В. Н. Татищев¹⁸. Ведущим аспектом теории Т. Гоббса стал тезис о благотворности политического абсолютизма для все той же защиты граждан. В этом состоит, по его мнению, смысл общественного договора¹⁹. Это положение как нельзя лучше отвечало взглядам носителей верховной власти России на роль самодержавия в жизни страны. Г. З. Байер, касаясь сути призвания варягов, эту мысль Т. Гоббса разделял, считая, что жители Новгорода во имя безопасности и мира пошли на обоюдовыгодное соглашение по созданию самодержавной власти варяга Рюрика, ставшей основой русской государственности.

Тезис Г. З. Байера о шведских корнях Рюрика, а также мнение, что «варяги» — это синоним слова «разбойники», вызвали в научном обществе России «патриотическое» движение антинорманизма, призванного, как можно предполагать, доказать чистоту происхождения династии Рюриковичей и ее славянские корни. При этом стоит отметить, что возникшее научное течение норманизма в России позволило включить в дискуссию по варяжской проблеме историческую ассоциацию Европы и ознакомить ее общественность с историей Российского государства. Тем более что до этого считалось, что русский народ по определению не только отсталый и варварский, но даже дикий. Как писал Самуил Пуфендорф во время путешествия по России петровской эпохи, «толкование евангельское умеют, больше же ничто не знают»²⁰. В конечном итоге тезис немецкого историка о норманнских истоках государственности восточных славян, будучи изначально внутривосточной научной и политической проблемой, приобрел европейское, а затем мировое значение. Тем более что Россия после петровских реформ в рамках вестернизации страны и успешной Северной войны вошла в «концерт» великих европейских держав на равных политических и юридических основаниях. Екатерина II в наказе депутатам Уложенной комиссии отметила, что «Россия есть европейская держава»²¹, дав начало еще одной вечной дискуссии между западниками и славянофилами о месте России в системе народов Европы.

Отражением усиления влияния России в Европе XVIII в. явился европейский норманизм, ибо часть экспертов по раннему Средневековью разделяет тезис Г. З. Байера о ведущей роли скандинавов в развитии культуры славян и создании их государства. Так, Ж. Симпсон утверждает: «С течением времени на Днепре появились укрепленные города: Смоленск, Чернигов и Киев. Ими управляла воинская аристократия скандинавского происхождения...»²² Но Г. З. Байер, а вслед за ним Г. Ф. Миллер считали, что эти города «от первых славян построены»²³.

Начальные положения норманнской теории Г. З. Байера в рамках общественного договора были развиты другим немецким историком — Г. Ф. Миллером, который в 1749 г. в Академии наук представил к защите диссертацию «Происхождение

¹⁸ Татищев В. Н. История Российская: в 3 т. М., 2003. Т. 1. С. 65.

¹⁹ Гоббс Т. Левиафан. М., 2001. С. 95.

²⁰ Пуфендорф С. Введение в историю Европейскую чрез Самуила Пуфендорфия. СПб., 1718. С. 407.

²¹ Наказ ея императорскаго величества Екатерины Вторья самодержицы Всероссийския. С. 4.

²² Симпсон Ж. Викинги. Быт, религия, культура. М., 2005. С. 124.

²³ Миллер Г. Ф. О происхождении имени и народа российского // Фомин В. В. Ломоносов. Гений русской истории. М., 2006. С. 376.

имени и народа российского»²⁴. Если Г.З. Байер исследовал вопрос об этнических истоках династии Рюриковичей и сюжет летописи о призвании варягов в Новгород, то Г.Ф. Миллер изучал происхождение русского народа и его способность к государственному строительству. Он изучал древнейшие летописи, чтобы проверить достоверность новеллы о призвании Рюрика, опираясь на цикл скандинавских сказаний и европейские хроники. При этом Г.Ф. Миллер критически их не оценивал, что ослабляло ценность его изысканий. Так, в качестве источника о начальных веках русской истории как антитезы сагам он не использовал былины и языческую мифологию славян, хотя они уже были известны. Его выводы с опорой лишь на героический эпос скандинавов и хроники Европы сводились к тому, что призвания Рюрика не было, а имело место, как это было в ряде стран Европы, покорение скандинавами земель восточных славян²⁵. При этом общественный договор на управление Новгородом касался лишь завоевателей из числа варягов. Это еще одна версия естественного создания государства через покорение и договор победителя с побежденными на примере восточных славян, как это было в Англии после ее норманнского завоевания в 1066 г.

Тезис Г.Ф. Миллера о завоевании восточных славян норманнами вызвал критику в научном сообществе. Так, Г.Н. Теплов обвинял его в антинаучности, оспаривая мысль о том, «что скандинавы победоносным своим оружием благополучно себе всю Россию покорили»²⁶, и ставя под сомнение завоевательную теорию создания государства на Руси. Критика Г.Н. Теплова стала обоснованием административных санкций — диссертация была запрещена к изданию. Гипотеза Г.Ф. Миллера о завоевательной миссии Рюрика в Новгороде во многом опиралась на конкретный исторический материал Европы, это в своей работе он отметил особо²⁷, когда в VIII–XI вв. ватаги викингов, разбив племена славян, завоевали весь Ютландский полуостров, провели захваты в Англии, Франции, Иберии и на Сицилии²⁸. На Средиземноморье их государства оказались временными образованиями, но свой след в истории южной Европы они оставили. По аналогии Г.Ф. Миллер, как мы думаем, полагал достоверным захват норманнами Новгорода. Тем более что новгородский князь Олег, которого по традиции считают варягом, спустя век овладел Киевом, создав из племенных союзов восточных славян империю Рюриковичей.

Желание выйти за рамки русских письменных источников по теме призыва варягов из-за вероятной их предвзятости привело Г.Ф. Миллера к необходимости использовать для доказательства своего видения норманнской теории опусы древних скандинавов, под которыми он видел искомым варягов как отцов-основателей державы славян. Это позволило расширить круг источников и применять сравнительный анализ, но запись саг была произведена в XIII–XIV вв. и повествование в них начинается с 930 г., а летопись дает дату призвания Рюрика 862 г., что в известной мере обесценивает саги как достоверный источник сведений по истории государства восточных славян, а значит, и теорию завоеваний на их примере в целом.

²⁴ Миллер Г. Ф. О происхождении имени и народа российского. С. 366–398.

²⁵ Там же. С. 378.

²⁶ Пекарский П. П. История императорской Академии наук в Петербурге: в 2 т. Т. 1. СПб., 1870. С. 360.

²⁷ Миллер Г. Ф. О происхождении имени и народа российского. С. 378–379.

²⁸ Стрингольм А. М. Походы викингов. М., 2002. С. 166–185.

Элементом норманнской теории Г. Ф. Миллера стал тезис о некультурности славян до их покорения варягами. Он видел под их нецивилизованностью, как мы думаем, отсутствие у них монархической власти, экономическую неразвитость, полигамию, а также архаичность законодательства. Как объяснял ученый, они в силу своей отсталости не были способны к государственному строительству, то есть к заключению общественного договора, ибо «славяне были тогда не иное что, как рабы»²⁹. Понять, что он подразумевал под этим, сложно. На наш взгляд, понятие «раб», как и «русь», их истоки и сущность являются неясными терминами русской истории. Тем более что список Русской правды не включает в свой словарный состав понятие «раб» в таком написании этого слова, то есть через букву «а». Есть такие обозначения зависимых людей, как «смерд», «холоп», «закуп», «рядович», «челядин», но термин «раб» отсутствует, зато в статьях 27 и 29 краткой редакции «Правды Роськой», самой древней по происхождению, и в ее пространной редакции статей 16, 17, 89, 98, 110, 112 и 113 присутствует понятие «роба», жизнь которого по вире в статье 16 стоит на одну гривну дороже, чем холопа и смерда³⁰, и это парадокс и одновременно вопрос: а кто такой «роба»?

В Толковом словаре В. И. Даль дает смутную трактовку термина «раб», а понятие «роба» выводит от слова «робить», то есть делать, работать³¹. Возможно, что Г. Ф. Миллер под термином «раб», как он прочел или ему перевели русские помощники слово «роба», понимал не воинов, а работающих по найму или зависимых людей, готовых признать любую власть и ей подчиниться, а был ли это невольник в полном смысле этого слова, понять сложно. Несомненно одно, что мысль о рабском состоянии славян накануне призвания Рюрика он взял из рассуждений Г. Гроция об общественном договоре: «Если частный человек может отчудить свою свободу и стать рабом какого-нибудь господина, то почему целый народ не мог бы отчудить своей свободы и стать подданным какого-нибудь короля?»³² В тезисе «о состоянии рабства славян» накануне призвания Рюрика Г. Ф. Миллер допустил натяжку, проиллюстрировав тезис Г. Гроция о добровольности подчинения народа сильной власти монарха этюдом из летописи восточных славян.

Еще одно наше предположение, касающееся тезиса Г. Ф. Миллера о «рабстве» восточных славян, как о социальном состоянии накануне призвания Рюрика, исходит из того, что в VIII–XII вв. во время экспансии на восток Европы державы Каролингов, а затем крупных немецких феодалов в плен попадали массы славян из племенных союзов бодричей, лютичей и лужичей, которых обращали в рабство. В захвате славян преуспели и скандинавы, которые совершали набеги на земли славян, создав в Англии перевалочную базу работорговли. Пленных славян затем морем переправляли в Иберию, в арабские страны и Византию, где имелись рудименты рабовладельческого способа производства³³. Обращение славян в рабство объяснялось их язычеством. Известно, что в английском языке славянин «slav» и раб «slave» выступают как понятия однокоренные и синонимичные, обозначающие невольника.

²⁹ Миллер Г.-Ф. О народах, издревле в России обитавших. СПб., 1773. С. 31.

³⁰ Носова Н. П. История государственного управления в России IX–XX вв. Тюмень, 2005. С. 19–21, 22–32.

³¹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. IV. СПб.; М., 1882. С. 97.

³² Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права. С. 7.

³³ Симпсон Ж. Викинги. Быт, религия, культура. С. 116–118.

Развивая мысль о состоянии рабства славян до прихода варягов, Г. Ф. Миллер их «некультурность» видел в отсутствии института монарха, будучи уверенным, что монарх равен государству, а его присутствия в летописях восточных славян он не нашел. Стоит отметить, что Г. Ф. Миллер огульно не отрицал наличия у восточных славян каких-либо властных институтов. В Новгороде, по его мнению, «правление было демократическое, причем Гостомысл, честный и благоразумный муж, перед другими отменную власть имел». Сравнивая «Новгородский летописец», где Гостомысл по тексту носил титул князя, с «Повестью временных лет», в которой этот титул главы Новгорода не упоминается, Миллер считал, что он проходит как старец, ведь «новгородцы были без владетелей», т. е. без князей и, как следствие, без монархической формы правления. Так как список Нестора имел более древнее происхождение, то, как полагал историк, его запись внушает больше доверия. Он делает заключение, что новгородцы жили без монарха, но не без власти вообще, «пока варягов для принятия княжения не призвали»³⁴. В этом состоит противоречие трактовки Г. Ф. Миллером этюда о призвании Рюрика. Формально он был доказателен, но, как мы думаем, имел весьма смутные представления о полисной системе власти, или вечевой форме управления восточных славян, ибо общественный договор он понимал как договор населения о власти монарха. Некультурность общества восточных славян, на его взгляд, была не в институтах власти как таковых, а в форме титулатуры главы державы. Здесь налицо рудимент логики монархизма эпохи Средних веков, противоречивший логике общественного договора, когда титул правителя, его название или список титулов выражали достоинство главы государства и масштабы его властных полномочий.

Также, как мы полагаем, намек на экономическую отсталость восточных славян, как признака их некультурности, Г. Ф. Миллер взял у Нестора, относившегося отрицательно к новгородским словенам, соперникам Киева, и к «лесным» союзам вятичей, древлян, кривичей, радимичей и северян. Видимо, летописец как южанин или не понимал специфики модели ведения хозяйства в болотисто-лесных краях северян, занимавшихся огневой подсекой и лесными промыслами, или сознательно в негативном аспекте отмечал их отличие от южан, которые вели пашенное земледелие, занимались скотоводством, имели развитое ремесло на основе оседлого образа жизни. Однако запись Нестора Г. Ф. Миллер распространил на восточное славянство в целом как на отсталое общество, неспособное как народ к государственному строительству. Тем более что ему достоверно никак не удавалось его связать с каким-либо древним народом хотя бы по названию, разыскивая родину славян вместе с их именем то на берегах Черного моря, то на побережье Балтики, то на Адриатике и т. д. По этой причине, как считает ряд экспертов, например современные антинорманисты А. Г. Кузьмин и В. В. Фомин³⁵, под именем «русь» он вслед за Нестором видел варягов-норманнов, произвольно сведя в одно целое достоверные славянские топонимы с корнем «рус» и финское название шведов «tuotsolainen». В ходе обсуждения диссертации этот тезис Г. Ф. Миллера вызвал критику оппонентов.

Помимо прочего, проблемой немецких ученых было их слабое знание древнерусского языка, впрочем как и современного русского. В этом Г. Ф. Миллер при-

³⁴ Миллер Г. Ф. О происхождении имени и народа российского. С. 396.

³⁵ Кузьмин А. Г. Начало Руси. М., 2003. С. 33; Фомин В. В. Варяги и варяжская Русь. С. 99–100.

знался на защите своей работы³⁶. Немецкие ученые должны были систематически обращаться к русским переводчикам, которые, как мы подозреваем, сами имели ограниченные познания в древнерусской словесности и, видимо, неважно знали латынь или один из каких-либо северогерманских диалектов, на которых изъяснялся ряд ученых Академии, чтобы квалифицированно давать информацию о содержании летописных и других источников. При переводах с одного языка на другой это неизбежно приводило к массе фактических ошибок и научных оплошностей, что выявилось, например, в мысли Г. Ф. Миллера о скандинавском имени городов Холмогоры и Изборск. Все вместе это дало повод М. В. Ломоносову объявить концепцию завоеваний недостоверной, попутно обвинив автора в том, что его сочинение написано на дурном латинском языке, искажившем смысл работы диссертанта³⁷.

В итоге, согласно Г. Ф. Миллеру, ильменские «робы» по принуждению признали власть варяжского князя-завоевателя, заключив с ним общественный договор на подчинение и управление ими. На наш взгляд, в рамках этой идеи является дискуссионной темой вопрос, а имел ли легендарный Рюрик титул славянского правителя, если он был норманном. Вероятно, если его призвание на власть в Новгороде было достоверным, то, скорее всего, он имел звание конунга или ярла, что для норманистов из числа скандинавофилов может стать еще одним доводом о шведских корнях приглашенного летописного вождя варягов с целью заключения общественного контракта с местным населением на право управлять их землями. Но все летописи, как древнейшие, так и Никоновская, единодушно отмечают славянский титул завоевателя города ильменских словен.

Подводя итог, стоит согласиться с мнением, что, несмотря на ряд сомнительных выводов Г. Ф. Миллера по древней русской истории, его работы сыграли важную роль как в становлении исторической науки России, так и в развитии научной теории норманизма XVIII в. Им был предложен и документально обоснован еще один вариант концепции естественного формирования государства путем завоевания с последующим заключением общественного договора о власти покорителей над побежденным народом, который позволял преодолеть теологический взгляд на истоки государственности и верховной власти на Руси.

На наш взгляд, труды Г. З. Байера и Г. Ф. Миллера по древнерусской истории стали первым этапом развития норманнской теории о естественном происхождении государства на Руси. В своих научных изысканиях по истории становления государственности восточных славян они опирались на договорную концепцию государства, у истоков которой стояли Г. Гроций, Т. Гоббс, Д. Локк и Б. Спиноза. Позитивным аспектом раннего норманизма стал тезис о неспособности славян к государственному строительству из-за их нецивилизованности, который неизбежно порождал в кругах просвещенного общества России антитезис о древности и культурности этого народа Европы. Полемика по варяжской проблеме норманистов и антинорманистов стимулировала дальнейший научный поиск по данной теме. Социальным аспектом развития норманнской теории создания государственности восточных славян наряду с другими стало ее «обрусение», так как норманистами стали многие видные отечественные историки XIX–XX вв., причем в основном скандинавофилы.

³⁶ Миллер Г. Ф. О происхождении имени и народа российского. С. 396.

³⁷ Ломоносов М. В. Записки по русской истории. М., 2003. С. 449.

Носителями национальной традиции (которую С. Ф. Платонов назвал *славянской школой*) в осмыслении проблемы призвания варягов в Новгород в рамках общественного договора, или отцами русского антинорманизма, в середине XVIII в. являлись в том или ином аспекте В. Н. Татищев, Г. Н. Теплов, М. М. Щербатов и в первую очередь М. В. Ломоносов.

Будучи адептом русского патриотизма, М. В. Ломоносов противопоставил концепции завоевания Г. Ф. Миллера как истока государственности восточных славян конструкцию автохтонного ее происхождения на основе общественного договора о власти ильменьских словен и чуди с приглашением на место правителя князя из прусской земли, видимо в качестве третьей стороны. Как мы понимаем из рассуждений Ломоносова, для него важен был не столько внешний фактор в системе условий создания государства, сколько внутренняя потребность в его создании для обороны, что созвучно идее Т. Гоббса о защите как основе государственности. Ломоносов отрицал культурное отставание от Европы восточнославянских земель в начальный период русской истории, ссылаясь на античные, арабские, византийские и персидские источники, которые фиксируют высокий уровень развития хозяйства и социальной жизни славян в южной части ареала их расселения. Им отмечены и успешные походы славянских дружин против соседей. При этом вслед за немецкими коллегами по Академии наук он, отрицая их евроцентризм, в своих выводах по вопросу о призвании варягов выступал применительно к истории России в русле общественного договора: «...соединение двух сих народов подтверждается согласием в избрании на общее владение князей варяжских, которые с роды своими и со множеством подданных к славянам и чуди переселились и, соединив их, утвердили самодержавство»³⁸.

Важным моментом оценки значимости спора Г. Ф. Миллера и М. В. Ломоносова является порицание поздними историками М. В. Ломоносова за «нечистоплотность» приемов в его дебатах с оппонентом, которые, на их взгляд, состояли в политической риторике и апелляции к руководству Академии. Основной довод норманистов в критике идей Ломоносова состоял в том, что у него не было профильного образования, в отличие от Г. Ф. Миллера и А. Л. Шлёцера. Видимо, по этой причине евразиец и норманист Г. В. Вернадский в работе «Древняя Русь» в числе создателей исторической школы России упоминает В. Н. Татищеву и М. М. Щербатова, но не М. В. Ломоносова³⁹.

Критики обвиняют Ломоносова и в «охранительных» идеях, которые негативно отражались на развитии исторической науки. Так, И. Лосиевский в предисловии к сборнику трудов М. В. Ломоносова по истории декларирует в духе политического доноса: «Многое из его “патриотической” критики и борьбы с иностранным влиянием было взято на вооружение организаторами сталинской кампании против “безродных космополитов”. Эти примеры не лучшего поведения Ломоносова можно продолжить...»⁴⁰ Как считает часть норманистов, его позитивный вклад в развитие отечественной историографии ограничен⁴¹. При этом они не учитывают, что М. В. Ломоносов является основателем антинорманнской школы и без его критики

³⁸ Ломоносов М. В. Записки по русской истории. С. 30.

³⁹ Вернадский Г. В. Древняя Русь. Тверь; М., 2004. С. 274.

⁴⁰ Ломоносов М. Записки по русской истории. С. 23.

⁴¹ Фомин В. В. Варяги и варяжская Русь. С. 59–78.

спорных положений гипотезы Г. Ф. Миллера о призвании варягов на роль создателей государства восточных славян был бы невозможен сам процесс развития исторической науки в России на принципах рационализма. К тому же он дал еще одну версию общественного договора на примере истории страны.

Упрекая М. В. Ломоносова в политической предвзятости, критики оставляют без внимания тот факт, что XVIII в. являлся эпохой развития в Европе национальной идеи и теории суверенитета нации. Поэтому среди поборников теории общественного договора неизбежно происходили столкновения ревнителей так называемого национального начала с адептами чистой науки, которых стоит отнести к категории «космополитов», и вовсе не в уничижительном понимании данного слова. Это являлось объективным отражением развития стран Европы XVIII столетия, в политической жизни которых неразрывно переплелись космополитизм с патриотизмом, друг друга взаимоотрицая и одновременно дополняя. Так, доктрина национального государства и абсолютизма Ришельё уживалась с этикой Спинозы о религиозной и политической свободах как основе общественного договора, целью которого являлась гарантия прав личности в отношениях с государством⁴². По нашему предположению, на выводы М. В. Ломоносова по варяжской проблеме в духе патриотизма во многом оказал влияние тезис Монтестье о том, что «любовь к законам и отечеству — любовь, требующая постоянного предпочтения общественного блага личному, которая лежит в основании всех частных добродетелей»⁴³.

Касаясь причин «антипатриотичности» немецких ученых в России, важно отметить, что они в основном были выходцами или из городов бывшей Ганзы, или из государств Рейнской области с их пестрым населением, влиянием культуры просвещенной Франции и деловой активности республики Голландия. Это формировало вольнолюбивый характер их жителей. Переезд в Россию или в Северную Америку, смена подданства, переход офицеров на службу от одного монарха к другому, постоянные вояжи деятелей культуры из одной немецкой земли в другую по приглашению правителей раздробленной Германии — все это оформило безразличное отношение к национальной идее известной части немцев того времени. Как правило, немецкие ученые были по своим взглядам космополитами, будучи адептами «чистой науки», то есть оставляли русскую национальную идею за рамками своих научных интересов.

Своим отношением к варяжской теме М. В. Ломоносов показывал патриотическое понимание этой проблемы в духе времени, так как в России завершалось формирование русской нации и происходило устойчивое развитие буржуазных отношений. Сменилась и парадигма сознания русских дворян, которые от принципа верности феодальному сюзерену перешли к идее службы России, выразившейся в известной формуле: «За веру, царя и отечество». Эту идею высказал накануне Полтавской битвы в обращении к войскам Петр I. Теория общественного договора понималась М. В. Ломоносовым лишь в русле национальной идеи, тем более что державы Европы в этот период взяли на вооружение приоритет национального начала над личностным интересом. Во многом это отразилось на его тезисе о доминировании внутренних предпосылок над внешним влиянием в ходе создания державы восточных славян, то есть автохтонности появления их государства.

⁴² Спиноза Б. Переписка. М., 1932. С. 172.

⁴³ Монтестье III. Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. М., 1955. С. 179.

Объективным недостатком его тезиса о внутренних причинах генезиса русской государственности, рациональной по своей концептуальной установке, являлось отсутствие ссылок на археологические сведения о материальной жизни славян, хотя как рудознатец, изучавший геологию во Фрайберге, он должен был сталкиваться со свидетельствами прошлой хозяйственной жизни людей. Тем более что археология в Германии XVIII в. уже была достаточно развита. В частности, уже проводились раскопки поселений западных славян, по которым можно было объективно судить об уровне экономического развития того или иного народа. Масса археологических материалов была и в Кунсткамере. Увязать письменные источники по начальной истории Руси с данными археологии по проблеме генезиса государства восточных славян он не сумел. Как мы думаем, сам того не желая, он оказался в положении «отца» схоластики антинорманизма, ибо свое видение общественного договора на материале истории России он развивал в культурологической традиции, без опоры на материальные доводы. Это нивелировало его концепцию русской государственности и ставило его в ходе прений в уязвимое положение догматика антинорманизма.

Фактическое поражение М. В. Ломоносова в спорах с Г. Ф. Миллером по проблеме призыва варягов как формы социального контракта славян с иноземцами привело к тому, что норманизм получил развитие в трудах А. Л. Шлёцера и Ф. Г. Штрубе де Пирмонта. Опираясь на теорию общественного договора по созданию государства, в своих изысканиях они продолжили развивать основные положения Г. З. Байера и Г. Ф. Миллера по варяжскому вопросу.

Таким образом, дискуссия в русском историческом обществе XVIII в. о призвании варягов была своеобразным отражением реалий социально-экономической и политической жизни России данной эпохи. Развитие капиталистических производственных отношений, формирование новых социальных групп, разложение барщинной системы хозяйства, дворцовые перевороты обусловили пересмотр средневековой концепции происхождения и сущности верховной власти в России. Теоретической базой дискуссии по варяжско-русской проблеме в Академии наук являлась концепция европейских мыслителей XVII–XVIII вв. о естественных основах государства на базе общественного договора народа и власти. На русскую почву договорная концепция была привнесена немецкими учеными в середине XVIII в. через этюд Начальной летописи о призвании Рюрика в Новгород. Варианты призвания отражали взгляды просветителей Европы на суть происхождения государства. Ранние теоретики были апологетами неограниченной монархии для защиты людей на основе общественного договора. Поздние мыслители развивали идею о разделении властей на базе социального контракта для создания общественной гармонии и порядка. Данные отличия отразились на теориях русских ученых, принявших к руководству взгляды вольнодумцев Европы на причины создания российской государственности. Обоснован был вариант Г. З. Байера о добровольном призвании скандинавов и подчинении им ильменских словен как договор о защите на основе идей Б. Спинозы и Т. Гоббса. Версия норманнского завоевания и заключения договора победителей и побежденных развита в трудах Г. Ф. Миллера, что отражает мысли Г. Гроция и Ш. Монтескье. Третий вариант создания государства восточных славян на основе общественного договора в качестве развития идей Монтескье о разделении властей изложен Ломоносовым, который определял

призыв Рюрика как социальный контракт варяжского князя, славянина по происхождению, на роль третейского судьи в конфликтах ильменских словен с финно-уграми. Все версии естественного начала российской государственности на базе концепции общественного договора имели как теоретическое, так и историческое обоснование на примере ряда народов Европы раннего Средневековья. Теоретический спор об истоках государственности восточных славян оформил в историографии научные течения норманизма и антинорманизма в понимании естественных основ формирования государства и верховной власти в России.

References

- Chechulin N. D. *Proekt Imperatorskogo Soveta v pervyigodtsarstvovaniia Ekateriny II*. St Petersburg, Tip. V. S. Balashova Publ., 1894, 22 p. (In Russian)
- Fomin V. V. *Variagi i variazhskaia Rus'*. Moscow, Russkaia Panorama Publ., 2005, 488 p. (In Russian)
- Gobbs T. *Leviafan*. Moscow, Mysl' Publ., 2001, 478 p. (In Russian)
- Kuz'min A. G. *Nachalo Rusi*. Moscow, Veche Publ., 2003, 432 p. (In Russian)
- Miller G. F. O proiskhozhdenii i imeni naroda rossiiskogo. *Fomin V. V. Lomonosov. Geniirusskoi istorii*. Moscow, Russkaia panorama Publ., 2006, pp. 366–398. (In Russian)
- Moshin V. A. Variago-russkii vopros. *SLAVIA*, 1931, vol. X, pp. 109–136. (In Russian)
- Nosova N. P. *Istoriia gosudarstvennogo upravleniia v Rossii IX–XX vv. Khrestomatiia*. Tyumen', TiumGU Press, 2005, 552 p. (In Russian)
- Platonov S. F. *Polnyi kurs lektsii po russkoi istorii*. St Petersburg, Litera Publ., 1999, 800 p. (In Russian)
- Pokrovskii M. N. *Russkaia istoriia*. St Petersburg, Polygon Publ., 2002, vol. 2, 383 p. (In Russian)
- Pososhkov I. T. *Kniga o skudosti i bogatstve i drugie sochineniia*. Moscow, AN SSSR Press, 1951, 413 p. (In Russian)
- Simpson Zh. *Vikingi. Byt, religiia, kul'tura*. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2005, 237 p. (In Russian)
- Solov'ev S. M. *Publichnye chteniia o Petre Velikom*. Moscow, University Print., 1872, 144 p. (In Russian)
- Spinoza B. *Perepiska*. Moscow, Partizdat Publ., 1932, 275 p. (In Russian)
- Stolbov V. P. Votchinnye krest'iane roda Sheremetevykh. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniia*, 2013, no. 3, pp. 141–158. (In Russian)
- Stringol'm A. *Pokhody vikingov*. Moscow, AST Publ., 2002, 736 p. (In Russian)
- Vernadsky G. V. *Drevniaia Rus'*. Tver', LEAN Publ.; Moscow, Agraf Publ., 2004, 448 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 7 декабря 2021 г.

Рекомендована к печати 31 октября 2022 г.

Received: December 7, 2021

Accepted: October 31, 2022